

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КЛАДОВА

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы, методист, образовательный центр «Forward-school» (Москва, Российская Федерация)
natakladova@rambler.ru

ОТНОШЕНИЯ РОДСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Предпринята попытка выявить идею, организующую художественный мир романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» в единое целое, «цементирующую» сюжет произведения. Анализ системы отношений героев, соотнесенности фраз в их высказываниях, «смысловых рифм» событий и ситуаций позволил доказать наличие подобной сюжетообразующей идеи. В «Униженных и оскорбленных» все герои оказываются друг с другом связанными – родством генетическим или обретенным; одни предают родственную связь, другие пытаются ее, напротив, восстановить. Именно родственные отношения героев играют идеообразующую роль в тексте Достоевского. Анализ художественного мира романа позволил уточнить смысл заглавия произведения. *Униженные и оскорбленные* – не только социальным неблагополучием, но и эгоизмом, жестокосердием (главным образом, неспособностью простить) конкретных, «частных» людей – причем самых родных. Романная действительность оказалась перевернутой: родных людей проклинают и отторгают, чужих принимают как родных. Понятия *родной* – *чужой* теряют в художественном мире Достоевского свою генетическую основу, наполняясь глубинным философским смыслом. Семантическое поле родства является важной идейной составляющей романа.

Ключевые слова: Достоевский, «Униженные и оскорбленные», роман, родственные отношения, художественная структура

Идейная основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» довольно подробно и с разных ракурсов исследована учеными (см., например, работы В. Н. Захарова [11: 195–200], И. Виноградова [3], С. Ю. Данилина [6], Т. И. Дубовой [8], Евфросиньи [9], О. А. Ковалева [12], Н. М. Фортунатова [19], С. Ф. Надыровой [15], О. В. Поваровой [16]). На наш взгляд, существует идея, которая не только является основной / главной, но и организует в единое целое романский мир произведения. Анализ ее художественной функции помогает обнаружить глубинный смысл «историй» героев, сюжетных ситуаций, понять художественную задачу автора.

Литературоведами предлагаются разные интерпретации основной, сюжетообразующей мысли произведения. Так, В. Н. Криволапов анализирует временные координаты и объясняет сюжетные ходы сакральным временем; в finale ученый видит героев, «победивших гордыню и встретивших Пасху Христову» [13: 291]. Е. Ю. Сафонова рассматривает событийную основу как «протокол судебного дела» [18: 135]. По мнению И. А. Алтуховой, ключевым в романе является мотив страдания [1: 284]. О. Д. Даниленко интерпретирует сюжет как «историю нравственного падения» [5: 91]. М. М. Рудакова ставит вопрос об «идейно-композиционной роли» образа Валковского [17]. В ряде научных исследований отмечено, что в структуре романа реализуется мотив блудного сына. Тема отцов и детей здесь, пишет Н. В. Живолупова, «связана с мотивом прощения, актуализирующим евангельскую

Притчу о Блудном Сыне, где идеальная позиция Отца – всепонимание и всепрощение, способное возродить падшую душу, вернуть ее к жизни» [10: 15]. Смит, с точки зрения ученого, – отец, не способный простить, Ихменев – отец, раскаившийся в грехе гордыни. «Свобода от внутреннего зла достигается только духовным усилием “детей” – Наташи и Нелли – и благодаря “детям” совершается духовное прозрение “отца” – старика Ихменева» [10: 15]. В. И. Габдуллина считает мотив блудного сына сюжетообразующим и соотносит сюжетно-композиционную организацию романа с четырьмя основными фазами евангельского сюжета [4: 51–52]. М. О. Альтман сопоставляет мотив блудной дочери у Пушкина и Достоевского [2: 23–32]. Осмысление идеи произведения, полагаем, может быть плодотворным именно в ракурсе семантического поля родства, при этом данное понятие выходит за рамки частных семейных отношений, расширяясь до универсальных, архетипических моделей (см., например, замечания Е. М. Мелетинского об архетипических мотивах, связанных с родством людей [14: 46]).

Система образов романа «Униженные и оскорбленные» построена так, что все герои оказываются друг с другом связанными – родством генетическим или обретенным.

Иван остался в детстве сиротой, его из жалости приняли в дом помещики Ихменевы, у которых была дочь Наташа. «Мы росли с ней как брат с сестрой» (3: 178)¹, – характеризует герой отношение к нему в этом доме, используя

термины родства. Князь Валковский отправил своего ребенка (Алешу) в целях «исправления» к соседям Ихменевым, которые «приняли его как родного сына» (курсив мой. – Н. К.) (3: 183). Старик Ихменев, потеряв дочь (она ушла из дома к полюбившемуся Алеше), сказал Ивану: «Ваня, ты для нас был всегда как бы родным сыном <...> ты всегда вел себя с нами почтительно, нежно, как родной, благодарный сын» (курсив мой. – Н. К.) (3: 211).

Однако «отцы» не единожды в романе предадут «детей». Старики Ихменевы откажут Ивану в женитьбе на дочери по его бедности. Николай Сергеевич так и не предложит Ивану ехать вместе с ними, зная о его любви к Наташе. Дочь же им проклинается «навеки» в тот момент, когда подлость делает Валковский. Этот герой сманил «одну дочь у одного отца» (мать Нелли у Симита), обманул, украл у нее деньги отца и бросил. «Нравственный цинизм», «мелкое самолюбие» Валковского ярко явлены в следующем его рассуждении: «Я люблю деньги, и мне они надобны. У Катерины Федоровны их много; ее отец десять лет содержал винный откуп. У нее три миллиона, и эти три миллиона мне очень пригодятся. Алеша и Катя – совершенная пара: оба дураки в последней степени; мне того и надо. И потому я непременно желаю и хочу, чтоб их брак устроился, и как можно скорее» (3: 367).

Святость семейных уз предается поруганию. Примечательна оговорка, приведшая к подмене имени, в реплике Валковского о Наташе: «У меня голова трещит, когда подумаю о его будущности, а главное, о будущности Анны Николаевны, когда она будет его женой...» (3: 301). Наталья – ‘родная, природная’. Для него Наташа не может быть ‘родной’, так как такое родство не предполагает экономической выгоды (не имеет денежной основы).

Итак, сына Валковский хочет женить на деньгах. Простодушный Алеша² разрешает ситуацию, прося помочь у назначенней ему невесты. Он признается Катерине Федоровне в том, что любит Наташу, – и Катерина отказывается от замужества. На метафизическом уровне подтекста романа герои «младшего поколения» пытаются создать истинную, евангельскую, семью. Когда Наташа уходит из дома к Алеше, Иван – ее любящий и отпустивший к другому, полюбившемуся ей, – становится связующей нитью между ею и ее родителями. Алеша клялся Наташе, что «любит Катю только как сестру, как милую, добрую сестру, которую не может оставить совсем» (курсив мой. – Н. К.) (3: 319). Катерина на мольбу Алесии отказаться от брака с ним просила передать Наташе, что уже любит ее как сестру и сама хочет быть как сестра ей (3: 243). Можно продолжить: «Мы с ней дали друг другу слово быть как брат с сестрой»; «И какое у нее сердце доброе! С ней так легко! Вы обе созданы быть одна другой сестрами и должны любить друг друга» (курсив мой. – Н. К.) – слова Алеси (Там же). И еще: «Мы будем все трое любить друг друга»

(3: 244). Правда, эту попытку построения семьи на братско-сестринских отношениях не способно поддержать «старшее поколение».

На единственном свидании двух «соперниц» Наташа и Катя пытаются решить, с кем будет более счастлив Алеша, и вместе с тем обе понимают предопределенность решения проблемы желанием князя Валковского. Они признаются друг другу в сестринской любви (3: 398). Ивану же Наташа говорит, что любила Алешу «почти как мать» (3: 400). Алеша простодушно попросит Ваню: «Друг мой, Ваня! Я перед тобой виноват и никогда не мог заслужить твоей любви, но будь мне до конца братом: люби ее, не оставляй ее, пиши мне обо всем как можно подробнее и мельче, как можно мельче пиши, чтоб больше уписалось» (курсив мой. – Н. К.) (3: 402). И Ваня не откажет.

У Алеси есть родная сестра Нелли, но между ними – никаких сюжетных пересечений; так же, как между Нелли и ее дедом (героиня появляется в художественном мире романа, когда ее дед уже умер), Нелли и ее матерью (которая умерла и существует в сюжете романа только через воспоминание о ней), Нелли и ее отцом Валковским. Нельзя сказать, что Валковский не интересовался судьбой жены и дочери, однако интересовался с очень корыстной целью: ему нужна смерть его законной жены, для того чтобы жениться на генеральской дочке, «денежной девочке». Мы видим абсолютную вырванность Нелли из семейного круга. Родным для нее стал совсем незнакомый человек, поселившийся в квартире ее деда, – Иван. Доктор скажет о Нелли: «мне очень жаль эту девочку, как дочь мою...» (курсив мой. – Н. К.) (3: 434). Кроме того, Нелли и Александра Семеновна «полюбили одна другую, как две сестры <...> Александра Семеновна во многом была такой же точно ребенок, как и Нелли» (курсив мой. – Н. К.) (3: 375).

Через некоторое время Нелли оставит Ивану записку: «Я ушла от Вас и больше к Вам никогда не приду. Но я Вас очень люблю. Ваша верная Нелли» (3: 380). У Ивана ей тяжело жить как сестре. Она побежала к старичку доктору просить взять ее в качестве прислуги, которая будет стирать и гладить. Не получив положительного ответа, героиня бросилась к Маслобоевым проситься «хоть в горничные, хоть в кухарки» (3: 382). Свое бегство от Ивана она объясняет: «Так, не хочу у него жить... не могу... я такая с ним всё злая... а он добрый... а у вас я не буду злая, я буду работать» (Там же). Нелли считает себя недостойной проявления родственных чувств к ней чужими людьми, а значит, такие чувства имеют в ее глазах очень высокую цену.

Вопрос Ивана о семье вызывает испуг Нелли: «– Что ж у тебя, семья, мать, отец?

Она вдруг нахмурила свои брови и даже с каким-то испугом взглянула на меня. Потом потупилась, молча повернулась и тихо пошла из комнаты, не удостоив меня ответом, совершенно как вчера» (3: 254).

Вопрошание становится безответным.

Иван поселился в квартире умершего Смита, обрекшего себя и самых родных и близких себе на одиночество. Стариk умер не простившим; символично, что он и живой был как *мертвый*: «мертвенное восьмидесятилетнее лицо»; «лицо его до того умерло, что уж решительно ничего не выражает» (3: 170); «безжизненный взгляд» (3: 171). Его собака Азорка «тоже оставалась неподвижною на весь вечер, точно умирала на это время. Казалось, эти два существа целый день лежат где-нибудь мертвые» (3: 171–172).

Умирая, стариk «передал» Нелли Ивану. Иван – первый человек, в ком сирота Нелли почувствовала искреннюю любовь к себе, именно ему она позволила называть себя так, как называла ее мама, – *Нелли*, хотя до этого представлялась Еленой.

Судьба осиротевшей Нелли помогает собрать другую семью – Ихменевых, где сбежавшую к любимому дочь проклял отец. Примечательно, что изначальное желание отца было прямо противоположным – разъединяющим: заместить родную дочь Нелли (хотел взять Нелли в дом вместо дочери). И эта девочка осуждает Николая Сергеевича за то, что он не хочет простить дочь (3: 383). Данная ситуация явилась скопированной с судьбы ее собственной семьи. Мать Нелли оказалась такой «покинутой женщиной», «больной, измученной и оставленной всеми; отвергнутой последним существом, на которое она могла надеяться, – отцом своим» (3: 299–300). Отец (Смит) отказывал ей в прощении до последней минуты ее жизни и только в эту последнюю минуту опомнился и прибежал простить, но уже застал один холодный труп вместо той, которую любил больше всего на свете. Нелли рассказывает, как она шла к родному деду просить нищенское погодяние. Дед «бросил» семь гривен. После этого Нелли попросила у прохожего «денег, рубль серебром». Получив, она разменяла в лавочке на медные этот рубль, тридцать копеек завернула в бумажку для мамы, а семь гривен принесла дедушке, «размахнулась и бросила ему с размаху все деньги, так они и покатились по полу» (3: 417). Тридцать копеек имеют прозрачный подтекст: остаток от «подаяния» деда родной внучке – *предательская сумма*: дед *предал* самый главный закон – христианской любви. И какое же это подаяние, если оно возвращено??!

После рассказа Нелли Анна Андреевна воскликнула: «Я, я буду тебе мать теперь, Нелли, а ты мое дитя!» (3: 420). Николай Сергеевич собирался бежать к Наташе, но Наташа сама пришла к нему, «с криком бросилась перед ним на колена» (Там же). В радостном восторге никто не заметил, что Нелли ушла из комнаты...

Именно в этот момент – когда другие родные души соединились, когда все было прощено – ребенок-сирота, переживший предательство деда, почувствовал острую боль собственного одиночества... А ведь у нее есть *законный* отец – Валковский, который знает о дочери.

Несмотря на то что чужие люди смогли подарить Нелли столько любви, что «козлобленное сердце размягчилось и душа отворилась для всех» (3: 428) (в доме Ихменевых героиню стали почитать за *родную дочь* (3: 432)), в предсмертной агонии ее сознание занимал лишь один *сюжет*: «что дедушка зовет ее к себе и сердится на нее, что она не приходит, стучит на нее палкою и велит ей идти просить у добрых людей на хлеб и на табак» (3: 440). От родного человека она шла к чужим людям за *милостью*.

Есть и оборотная сторона медали: Нелли отчасти сама обрекла себя на метафизическое сиротство, не дав отцу шанса искупить свой грех и заслужить прощение. Последняя ее просьба к Ивану: «Поди к нему (Валковскому. – *H. K.*) и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангелие недавно читала. Там сказано: прощайте всем врагам своим. Ну, так я это читала, а *его* все-таки не простила, потому что когда мамаша умирала и еще могла говорить, то последнее, что она сказала, было: «Проклинаю *его*», ну так и я *его* проклинаю, не за себя, а за мамашу проклинаю...» (3: 441).

Однако Нелли исказила смысл завещания матери, которая послала дочь к отцу с письмом, где поставила условие: «Если Вы не отвергнете Нелли, то, может быть, там я прошу Вас, и в день суда сама стану перед престолом Божиим и буду умолять Судию простить Вам грехи ваши. Нелли знает содержание письма моего; я читала его ей; я разъяснила ей *всё*, она знает *всё, всё...*» (3: 442).

Очень важный в художественной системе Достоевского тот факт, что прощение князь Валковский мог бы заслужить только признанием своего родаства по отношению к Нелли.

Нелли не исполнила завещания: она знала все, но не пошла к князю и умерла непримиренная. Зло имеет цепную реакцию, отражаясь злом. Потерянную или разорванную связь с родной душой можно не успеть восстановить.

Последнее слово Наташи к Ивану и последнее слово всего романа: «Ваня, зачем я разрушила твоё счастье? И в глазах ее я прочел: «Мы бы могли быть навеки счастливы вместе!»» (3: 442).

Наташа, Иван, Нелли, Алеша – дети одной семьи. Но Алеша в эгоистической ослепленности предал братско-сестринские связи, оказался «выключенным» из этой семьи. Ихменев «выключает» из семьи и Ивана (по денежному критерию). Нелли умерла, принятая чужими как дочь, но не простившая родного отца.

Жизнь в углах и подвалах, нищета оказываются результатом не только социально-экономического уклада страны, но и эгоизма и жестокосердия (в конкретном проявлении – неспособности простить) конкретных, «частных» людей – причем самых родных. Это перевернутый мир: родных людей прокливают и отторгают, чужих принимают как родных. Понятия *родной* – *чужой* теряют в художественном мире Достоевского свою генетическую основу, наполняясь глубинным философским смыслом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
- ² Алеша Валковский – прообраз будущего Мышкина, ставшего перед трагической невозможностью выбрать одну из двух. Но Алеша решает проблему: кого он больше любит (спрашивает и других об этом), Мышкин же мучительно пытается выбрать: кому он больше нужен. Мышкин из двух «любовей» – любви для себя и любви для другого – выбрал любовь для другого. Алеша Валковский из двух «любовей» – обе для себя – выбрал ту, которая подходила под эгоистические расчеты его отца. Кроме того, считаем интересным наблюдение Н. Г. Долининой: «Если бы Наташа разлюбила Алешу, покинула его для Ивана Петровича, тогда бы Алеша готов был обнять соперника, и быть ему родным братом, другом? Представить себе это невозможно, потому что счастлив должен быть Алеша – он не умеет иначе» [7: 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухова И. А. Героиня Ф. М. Достоевского в минуты страданий (роман «Униженные и оскорбленные») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 283–286.
- Альтман М. О. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Виноградов И. Роман-прощанье, роман-предвесье. О книге Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Детская литература. 1989. № 1. С. 32–38.
- Габдуллина В. И. Притчевая основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 2 (5). С. 50–58.
- Даниленко О. Д. Социальные и философские символы в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 89–94.
- Данилин С. Ю. Лицо и маска в повествовании Ф. М. Достоевского (по роману «Униженные и оскорбленные») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (13). С. 64–67.
- Долинина Н. Г. Предисловие к Достоевскому. СПб.: Лицей, 1997. 237 с.
- Дубова Т. И. Христианские заповеди в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: Тема прощения // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 405–409.
- Евфросинья (Ибрагимова). Еще раз о «жестоком таланте» Ф. М. Достоевского. По роману «Униженные и оскорбленные» // Литература в школе. 2010. № 3. С. 18–20.
- Живолова Н. В. Семантическая ось «отец-сын» и замысел «Отцы и дети» в контексте творчества Достоевского (от «Униженных и оскорбленных» к «Подростку») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2005. № 1 (6). С. 14–18.
- Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. М., 2013. 456 с.
- Ковалев О. А. Автор, герой и читатель в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Философские дескрипты. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 94–106.
- Криволапов В. Н. О мифопоэтическом начале в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») / Под ред. Л. Ф. Алексеевой, В. Н. Климчуковой, С. В. Крыловой. М.: МГОУ, 2015. С. 286–292.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.
- Надырова С. Ф. Типология нарраторов в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Пятый этаж. Барнаул, 2015. С. 173–176.
- Поварова О. В. Мотив бегства из семьи в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 52–55.
- Рудакова М. М. Особенности сюжетостроения романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Актуальные проблемы филологии. Екатеринбург, 2015. № 12. С. 105–109.
- Сафонова Е. Ю. Наказание в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: метафизика воздаяния // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3 (87). Т. 1. С. 134–142.
- Фортунатов Н. М. «Спор» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова по поводу романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Друзья свободы и добра. Н. Новгород, 1990. С. 118–122.

Kladova N. A., Education center “Forward-school” (Moscow, Russian Federation)

KINSHIP RELATIONSHIPS IN DOSTOEVSKY'S NOVEL “HUMILIATED AND INSULTED”

This article attempts to identify the idea, which organizes the artistic world of the novel written by F. Dostoevsky “Humiliated and Insulted” and “cements” the plot of the work. The analysis of the system of relations among heroes, relatedness of phrases in their statements, “semantic rhymes” of events and situations allowed us to prove the existence of such plot-idea. In “Humiliated and Insulted” all characters are tied together by kinship relationships either genetic or acquired ones; some of them betray kindred ties, others, on the contrary, try hard to restore them. It is kindred relationships of the characters that play the central ideal role in the text by F. M. Dostoevsky. The analysis of the artistic world of the novel helped to clarify the meaning of the work's title. “Humiliated and Insulted” speaks not only about social problems but also about selfishness and heartlessness of some people (mainly, the inability to forgive) including “private” people – the most dear family members. The reality of the novel is inverted: kindred people are cursed and rejected; strangers are accepted as their own. The concepts of the kin ones and strangers lose their genetic basis in Dostoevsky's artistic world and get filled with the deep philosophical meaning. The semantic field of kinship is an important ideological component of the novel. Key words: Dostoevsky, “Humiliated and Insulted”, novel, relationship, artistic structure

REFERENCES

1. Altukhova I. A. The heroine F. M. Dostoevsky in moments of suffering (novel “Humiliated and Insulted”). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012. No 4 (108). P. 283–286. (In Russ.)
2. Altmann M. O. Dostoevsky. At milestones names. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)

3. Vinogradov I. Novel-parting, novel-the harbinger. About the book by F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Children's literature*. 1989. No 1. P. 32–38. (In Russ.)
4. Gabdullina V. I. Parable basis of the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2008. No 2 (5). P. 50–58. (In Russ.)
5. Danilenko O. D. Social and philosophical symbols in F. M. Dostoevsky "Humiliated and Injured". *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2012. No 6. P. 89–94. (In Russ.)
6. Danilin S. Y. Face and mask in the narrative of F. M. Dostoevsky (novel "Humiliated and Insulted"). *Humanities and social Sciences in Eastern Siberia and the far East*. 2011. No 1 (13). P. 64–67. (In Russ.)
7. Dolinina N. G. Preface to Dostoevsky. St. Petersburg, 1997. 237 p. (In Russ.)
8. Dubova T. I. The Christian commandments in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted": the Theme of forgiveness. *Orthodoxy in the context of Russian and world literature*. Arzamas, 2006. P. 405–409. (In Russ.)
9. Evfrosinia (Ibragimova). Once again on the "cruel talent" of F. M. Dostoevsky. Based on the novel "Humiliated and Insulted". *Literature in school*. 2010. No 3. P. 18–20. (In Russ.)
10. Zhivolupova N. V. The semantic axis "father-son" and the concept "Fathers and Sons" in the context of Dostoevsky's work (from "The Humiliated and the Insulted" to "Teenager"). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2005. No 1 (6). P. 14–18. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The name of the author – Dostoevsky. Moscow, 2013. 456 p. (In Russ.)
12. Kovalev O. A. The Author, hero and reader in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Philosophical descript*. Barnaul, 2008. Issue 7. P. 94–106. (In Russ.)
13. Krivolapov V. N. On the mythopoetic principle in the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Verbal art of the Silver age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov's readings")*. Ed. by L. F. Alekseeva, V. N. Climacool, S. V. Krylova. Moscow, 2015. P. 286–292. (In Russ.)
14. Meletinskii E. M. About literary archetypes. Moscow, 1994. 136 p. (In Russ.)
15. Nadirova S. F. Typology of narrators in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *The Fifth floor*. Barnaul, 2015. P. 173–176. (In Russ.)
16. Povarova O. V. The Motive of escape from the family in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Bulletin of Cherepovets state University*. 2016. No 1 (70). P. 52–55. (In Russ.)
17. Rudakova M. M. Peculiarities of sweatstained novel F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Actual problems of Philology*. Ekaterinburg, 2015. No 12. P. 105–109. (In Russ.)
18. Safronova E. Yu. Punishment in the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted": Metaphysics of Retribution. *News of Altai State University*. 2015. No 3 (87). Vol. 1. P. 134–142. (In Russ.)
19. Fortunatov N. M. "Dispute" N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov about the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Friends of freedom and goodness*. N. Novgorod, 1990. P. 118–122. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.10.2017